

Сугак Олег Андреевич

ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К БЕЗОПАСНОСТИ В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКОМ ДИАЛОГЕ

В данной статье рассмотрены концептуальные понятия и основы американских теоретических подходов к безопасности, проанализировано отношение США к России в связи с изменениями теоретической базы глобальной стратегии США. Автором исследуются современные взгляды на ряд концепций, составляющих теоретическую основу для формирующихся стратегий США. Выявлены актуальные вызовы, которые будут диктовать необходимость разработки новых подходов и направлений в контексте американо-российского диалога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 180-184. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

В данной статье рассмотрены концептуальные понятия и основы американских теоретических подходов к безопасности, проанализировано отношение США к России в связи с изменениями теоретической базы глобальной стратегии США. Автором исследуются современные взгляды на ряд концепций, составляющих теоретическую основу для формирующихся стратегий США. Выявлены актуальные вызовы, которые будут диктовать необходимость разработки новых подходов и направлений в контексте американо-российского диалога.

Ключевые слова и фразы: американо-российские отношения; безопасность; национальные интересы; асимметричность; идиосинкритичность; дилемма безопасности; баланс угроз.

Олег Андреевич Сугак*Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений**Кубанский государственный университет**o-sugak@mail.ru***ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К БЕЗОПАСНОСТИ
В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКОМ ДИАЛОГЕ[©]**

Проблема взаимоотношений США и России является важным направлением исторических исследований как зарубежных, так и отечественных ученых в постсоветский период.

Россия традиционно находилась в зоне пристального внимания американских теоретиков в сфере безопасности. В данной статье можно проследить процесс изменения американских теоретических подходов к безопасности, в контексте подобной эволюции происходила корректировка американо-российского диалога. Исход этого взаимодействия, представляет высокую значимость в реализации американским руководством своих стратегических планов в своей глобальной стратегии.

Цель статьи – изучение эволюции подходов США к безопасности и их проецирование на американо-российские отношения. **Задачи:** рассмотреть концептуальные понятия и основы американских подходов к безопасности, определить значимость России в рамках внешнеполитических приоритетов США, проанализировать отношение США к России в связи с изменениями теоретической базы глобальной стратегии США.

Таким образом, в условиях дальнейшего развития глобализации, взаимозависимости и общей уязвимости перед транснациональными угрозами и вызовами произошли существенные изменения в трактовке понятия безопасности.

Прежде всего стоит отметить разницу американского и российского подходов к самому понятию «безопасность». В российской традиции безопасность воспринимается как состояние, лишённое какой-либо угрозы. В американской же традиции выделяют такие категории, как *security*, которая предусматривает под собой «безопасность, защищенность», и *defense* – «оборона, защита». Первое понятие предусматривает совокупность превентивных мер, направленных на предотвращение и профилактику появления угроз в будущем. Второе представляет собой комплекс мер, в основном военного характера, имеющих своей целью отражение угроз в ситуации, когда совокупность первого понятия оказалась неэффективной. Американская система стратегического планирования выделяет два типа угроз: *danger* (действия или условия, которые в перспективе могут стать угрозой) и *threat* (непосредственная угроза). Подобное разделение понятий сформулировалось на основе самовосприятия США как заокеанской державы [10, с. 66-67]. В качестве примера можно привести эпоху биполярной конфронтации США с Советским Союзом (1946-1991 гг.), когда американские политики под категорией *threat* понимали угрозу нападения на территорию Соединенных Штатов, а под *danger* – расширение зоны влияния СССР и числа социалистических государств, так как в будущем эти государства смогут предпринять агрессию в отношении США или представят опасность для их национальных интересов. Для противодействия каждой из них был выработан комплекс превентивных мер.

После окончания периода биполярности изменились и теоретические подходы к безопасности. Так, американский исследователь Ф. Фукуяма выдвинул гипотезу, что после окончания «холодной войны», в которой победил Запад, наступил «конец истории», т.е. мировой порядок во главе с США будет базироваться на западной модели демократического развития [15]. С. Хантингтоном, известным американским политологом, была предложена концепция «столкновения цивилизаций», в которой проблемы безопасности связывались с противоречиями в культурно-цивилизационной области [19]. Американский журналист Р. Каплан дал пессимистичную картину «грядущей анархии» в международных отношениях, в основе которых лежат противоречия между двумя системами: процветающим развитым миром и погрязшим в коррупции, нестабильности и дезинтеграции развивающимся миром [20].

Продолжая это видение, Т. Барнет выступил со своей концепцией, в которой разделит мир на две сталкивающиеся части: «ядро» (*core*), состоящее из США и их союзников, и «провал/дыра» (*gap*), куда входят

страны-изгой (*rogue states*) и «несостоявшиеся государства» (*failed states*). Согласно этой точке зрения, США должны взять на себя главенствующую роль «по сокращению провала», т.е. перестраивать мир по своему образцу [11]. Все приведенные выше концепции ставили США во главу мировой системы и рассматривали международные отношения через призму их интересов и возможностей.

Современная международная система становится все более многослойной и многомерной, что усложняет возможность применения государственной силы в деле обеспечения безопасности. Дж. Най выдвинул концепцию, которая разграничивала «жесткую» силу (*hard power*) и «мягкое» влияние (*soft power*) в международных отношениях. «Жесткая» сила находит свое воплощение в принуждении («кнут») или подкупе («пряник»), посредством которых государство добивается нужного ему поведения от других акторов, а «мягкое» влияние реализуется через формирование у актора желаний и предпочтений, нужных государству. По выражению автора концепции «мягкого влияния», она позволяет «добиваться того, чтобы другие сами захотели тех результатов, которые выгодны вам» [цит. по: 5, с. 9].

В соответствии с этой концепцией появились новые взгляды, которые привели к формированию подходов, определивших спектр теоретических аспектов безопасности, разведя это понятие на традиционную безопасность (*hard security*) и нетрадиционную (*soft security*).

Согласно первой парадигме, стратегия государства направлена на обеспечение его национальных интересов: безопасности, суверенитета, территориальной целостности, институтов и граждан. Отметим, что в данной статье используется трактовка термина «национальные интересы», определяющая их как «потребности и желания, воспринимаемые нацией в контексте международной обстановки» [24, р. 118-119]. Как подчеркивал Р. Осгуд, «основным по отношению к другим национальным интересам является выживание или самосохранение. От национального выживания зависит достижение всех остальных интересующих целей» [21, р. 12]. С этой точки зрения, безопасность является условием достижения выживания, но не стоит забывать, что основным средством достижения безопасности является сила государства, т.е. в той или иной мере эта сила остается одним из важнейших инструментов и компонентов политики государства.

Но суть национального интереса любого государства во многом остается в максимизации его безопасности. В этом случае уместно поставить вопрос о средствах ее достижения и их пропорциональности. Даже проведя простой сопоставительный анализ составных элементов силы государства, мы обнаружим, что баланс компонентов может быть подорван в результате их изменений.

Теоретически политика государства должна быть политикой достаточности и сбалансированности. Если же государство будет делать слишком большой акцент на одном из компонентов силы, то впоследствии это может стать тупиковым сценарием, в результате которого еще большей опасности будут подвергнуты его национальные интересы, а поставленные задачи не будут достигнуты.

В данном подходе состояние безопасности рассматривается в качестве главной цели внешней политики, а сила – как средство ее достижения. Издержками такой линии поведения государства может стать перекосяк в сторону аккумуляции силы для устранения стимулов нападения противника. Но, когда государство делает попытку добиться безопасности только с помощью увеличения, допустим, военной силы за счет других компонентов, то это может привести к превышению уровня достаточности, необходимого для защиты страны. Однако подобные изменения в конфигурации силы государства приведут к возникновению ощущения собственной небезопасности других государств, это повлечет к всесистемному сдвигу, а именно к изменению баланса сил, который в свою очередь ведет к дестабилизации обстановки, среды. Поэтому государства будут стремиться к тому, чтобы каким-либо способом уравновесить возросшую силу одного из государств. В конечном итоге это создает основу для проецирования угрозы имеющимся национальным интересам и безопасности государства (сдвиг в балансе угроз), которая ведет к принятию мер, направленных на уменьшение уязвимости от этих угроз. Если подобное происходит, то возникает «порочный круг», который характеризуется как «*дилемма безопасности*»: усилие одной стороны провоцирует контрмеры другой, которые в свою очередь уничтожают достижения первой. Термин «дилемма безопасности» был введен американским политологом Дж. Херцем [17, р. 157].

Многие вопросы, которые стояли на повестке дня в американо-российском диалоге, были заложниками подобной логики. В качестве примера можно привести дискуссии вокруг Договора по ПРО, оживленно начавшиеся с 1992 года.

Итогом этих дискуссий стало официальное заявление о выходе из Договора по ПРО Соединенных Штатов, сделанное 13 декабря 2001 г., и то, что ровно через полгода США вышли из него, приступив впоследствии к созданию глобальной системы ПРО. Формальным поводом для выхода из договора было стремление обезопасить американскую территорию от гипотетических ракетных ударов «государств-изгоев» и транснациональных террористических сетей. Дестабилизирующее влияние программ создания противоракетной обороны на стратегическую стабильность в свое время четко изложил министр обороны США Роберт Макнамара (1961–1967 гг.), который аргументированно указал на взаимосвязь между наступательными и оборонительными стратегическими вооружениями. Несмотря на предпринимавшиеся дипломатические усилия и переговоры, Соединенные Штаты были намерены не отступать от реализации своих планов по созданию глобальной системы ПРО. При этом создание этой системы возводилось в ранг национальных приоритетов США, что существенно осложняло переговорный процесс. Акцент на военном компоненте американского проекта вызывал глубокую обеспокоенность со стороны Москвы, т.к. Россия видела создаваемую систему ПРО как механизм ослабления российской военной мощи, который мог бы существенно ограничить влияние

Российской Федерации как полюса силы. С таким подходом к международной безопасности не согласилась Россия, как в свое время поступил и Советский Союз. В качестве ответных мер Российская Федерация оказалась вынуждена приступить к совершенствованию своих стратегических ядерных сил в целях придания им способности гарантированного преодоления создаваемой американцами системы ПРО [4]. К сожалению, это может стать дополнительным импульсом для начала гонки вооружений и возвращению к архаичному мышлению периода «холодной войны» между США и СССР.

На основании вышеперечисленного можно предположить, что процесс формирования политики безопасности на сугубо военной основе не приводит к желаемому результату. Даже наоборот, подобная политика «может привести к войне в отсутствии настоящих конфликтов: стратегических, экономических, идеологических интересов между государствами. Таким образом, государства могут предпочитать мир, но рационально выбрать войну» [12, р. 227].

Поэтому, в соответствии с традиционным подходом безопасности, стратегией ее достижения является фокусировка усилия государства на контроле над силой, над ее применением или же угрозе ее применения, а также над соблюдением баланса над компонентами, входящими в нее.

Сторонники «мягкого» подхода предлагают более расширенное толкование безопасности. Они полагают, что в современных условиях изменилась природа безопасности и угроз, а также традиционный подход в подобных условиях стал недостаточно эффективным. Они выводят новые понятия, в частности, стало пристально рассматриваться понятие *асимметричности* и *асимметричных* угроз. Стоит отметить, что термин «асимметрия» американские эксперты вводят в широкий оборот после окончания холодной войны. На доктринальном уровне он появляется в Четырехгодичном оборонном обзоре [14].

«Асимметричность – это отсутствие общего основания для сравнения, аспект возможностей, которые невозможно сравнить с прошлым опытом» [9, с. 6]. По сути, это нечто как бы выходящее за пределы уже сложившегося восприятия.

Асимметричные угрозы обладают рядом характеристик, отличающихся от общепринятых угроз. Во-первых, они необычны в нашем понимании. Во-вторых, они несопоставимы с арсеналом возможностей государства. В-третьих, они трудны для адекватного и соразмерного ответа, т.к. противник не всегда может быть распознан и тем самым сохраняет возможность избежать возмездия [8, с. 38]. «В этом заключается природа асимметричных угроз, которые представляют дилемму для жертвы – уровень требуемого ответа. Готовый военный ответ может оказаться слишком «жестким», если не просто неуместным, в то время как поиск тщательно взвешенной и точно нацеленной ответной политической линии может легко попасть в ловушку длительного политического процесса, который будет препятствовать какому-нибудь реальному действию» [16, р. 6].

Американское экспертное сообщество рассматривает современные угрозы и вызовы безопасности в контексте устоявшихся подходов к оценке их характера. Традиционно экспертами угрозы безопасности США оценивались, исходя из следующих критериев: какой потенциальный ущерб они наносят интересам США и насколько насущную проблему они создают [6, с. 25].

Выход асимметричных угроз на первый план обусловлен неспособностью более слабых государств и государственных акторов сдерживать более сильные государства, в особенности США, традиционными способами и средствами. Эта неспособность, а также политика самих США, направленная на смену режимов (*regime change*), подтолкнула этих акторов к поиску альтернативных решений сложившейся диспропорции. С одной стороны, этого можно добиться через создание собственного ОМП и средств его доставки или же приобретения у третьей стороны, а с другой стороны, это поиск уязвимых мест. По мнению Г. Тревертона, «из-за преобладания США в обычных вооружениях практически все угрозы, которые исходят для США от государств, особенно от негосударственных групп, как террористы, будут иметь асимметричный характер и являться тактикой слабых» [23, р. 6].

«К асимметричным стратегиям, действиям прибегает не только “слабый” в отношении “сильного”, в общеупотребительном понимании этих слов, но и та сторона, которая при всей мощи не может себе позволить столь же больших потерь, что и значительно более слабая сторона» [7, с. 29]. Таким образом, главная цель «слабого» в данном контексте заключается не в том, чтобы одержать верх над «сильным», в традиционном смысле, а в том, чтобы, нивелируя преимущества заведомо более сильного противника, сделать его превосходство бессмысленным.

Выделяют следующие типы асимметричности:

– *политическая асимметрия*, когда слабый противник использует информационные технологии и прибегает к политическим действиям там, где сильный обладает превосходством;

– *временная асимметрия*, в которой слабый противник находит способ затянуть конфликт в надежде, что терпение сильного иссякнет, превысив болевой порог общества [6, с. 26]. Например, в 1993 г. после гибели американских морских пехотинцев в Могадишо в ходе гуманитарной операции в Сомали и освещение этого телекомпанией *CNN* вызвало возмущение в США, и американские войска были выведены из страны по приказу президента Б. Клинтона.

Появилась такая новая качественная характеристика угроз, как идиосинкритичность (или идиосинкритичность). «Идиосинкритичность – специальный или необычный подход или средство применения возможностей, другими словами – это новые способы использования новых или старых средств вооруженной борьбы» [9, с. 6].

Наглядным примером реализации подобного рода асимметричной угрозы является применение самолетов террористами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Опасность подобного рода угроз актуальна ввиду высокой зависимости функционирования американского общества от информационных, компьютерных и иных сетей. Как отмечает Зб. Бжезинский: «Всеобъемлющая атака на компьютеризированные сети, системы связи и авиалинии США способна буквально парализовать американское общество и привести его к социально-экономическому краху» [2, с. 39].

Асимметричные угрозы потребуют новых концептуальных подходов к обеспечению безопасности. В этом случае наиболее уместно будет начать с асимметрии интересов. «Когда слабый противник имеет жизненный интерес, противоречащий жизненно важному интересу более сильного государства, он получает стимул к тому, чтобы создать оппоненту асимметричную угрозу» [1].

Стоит обратить внимание и на изменения в среде безопасности, с которыми столкнулись США после краха биполярной системы.

Во-первых, после распада Советского Союза в международной системе образовался вакуум, и США оказались в международной среде, в которой резко снизилась силовая конкуренция, и им уже не было глобального равного противника. Относительная предсказуемость, определенность в развитии международных отношений и тенденций в области безопасности сменилась большей непредсказуемостью и неопределенностью. Все это породило негативные тенденции, вскоре получившие свое выражение в виде терроризма, экстремизма, национальной, религиозной и сепаратистской вражды.

Во-вторых, в 1990-х, как в западной, так и в отечественной литературе, шло широкое обсуждение тезиса о «размягчении» суверенитета государств.

Основой для подобного рода размышлений послужила ситуация, возникшая после распада СССР. «Всемирная демократическая волна» начала 1990-х годов поднималась наряду с разработкой доктрины «расширения демократии» (1993 г.), которая предусматривала активное участие США в политических процессах внутри стран бывшего социалистического лагеря. В отсутствие «железного занавеса» те приветствовали стремление западных стран включиться в управление преобразованиями, не протестуя и не считая происходившее вмешательством во внутренние дела.

В западной части Европы этот процесс хоть и развивался в схожей манере, но был иным по своей природе. Здесь страны тяготели к «преодолению» суверенитета каждой из них, но в рамках ускорившегося процесса интеграции.

В дальнейшем внимание исследователей было обращено на ситуацию в развивающихся государствах, где этот тезис подтвердил «бесполезность» суверенитета: многие бывшие колонии в силу экономической и политической слабости продолжали обладать суверенитетом лишь формально, т.к. не имели возможности отстаивать его не только перед более сильными зарубежными государствами, но и даже перед крупными корпорациями.

Весь этот материал дал основания для вывода о том, что это общемировая тенденция. Но на деле оказалось, что эта концепция не была универсальной в той степени, на которую претендовала, т.к. суверенитет США, Китая, Индии, Японии и других «старых» игроков оставался прочным, а многие из новых государства (на Балканах, Кавказе и в Центральной Азии) предпочитали воевать за утверждение суверенитета, а не мириться с его «отмиранием» [3, с. 18-19].

В-третьих, в результате военно-технического и научного прогресса, помимо традиционных трех традиционных сфер ведения войны (суша, вода, воздух), появилась еще одна – киберпространство. Это привело к изменению спектра и характера современных угроз, их восприятия и воздействия на акторов международной системы. По мнению Дж. Аркуэлла и Д. Ронфельда, «в настоящее время сетевые формы организации имеют преимущество над иерархическими формами. По мере того, как революция (имеется в виду информационная) углубляется, исход конфликтов все больше зависит от информации и коммуникаций. Угрозы информационного века, вероятно, будут более расплывчаты, рассеяны и имеют многоуровневый нелинейный характер в отличие от угроз индустриального века» [18].

В настоящее время все более очерчивается парадоксальная ситуация: являясь единственной сверхдержавой, США пытаются формировать окружающую международную среду и претендуют на глобального лидера, но по сравнению с периодом биполярности податливость международной системы снижается. В условиях отсутствия общей консолидирующей силы, которая бы объединяла союзников вокруг Соединенных Штатов, все более очевидным становится разрыв между стремлениями США и их возможностями управлять международными процессами. Таким образом, США не в состоянии контролировать всю мировую систему.

Наиболее существенным препятствием в ходе реализации политики по обеспечению безопасности является феномен, известный как «расползание задачи» (*mission creep*), представляющий собой ситуацию, когда действия выходят за рамки полученной первоначальной задачи. Например, в апреле 1993 года в ходе встречи на высшем уровне в Ванкувере Б. Клинтон поставил перед Б. Н. Ельциным вопрос о необходимости четкого обязательства и практических действий со стороны России по выводу войск из трех Балтийских государств. Б. Н. Ельцин увязал этот вопрос с проблемой строительства жилья для офицеров выводимых воинских частей. Это привело к тому, что к моменту встречи с Б. Н. Ельциным членов «семерки» в Токио в июле того же года США сделали предложение о финансировании строительства 5 тыс. квартир, общая стоимость которого составила 165 млн долларов [22, р. 63].

Рассмотренные американские теоретические подходы к безопасности США претерпевают значительные изменения, эволюционируют, но, несмотря на это, они остаются отражением научной мысли. Всевозрастающая частота применения Соединенными Штатами инструментов как мягкой, так и жесткой силы приводит к росту обеспокоенности российской стороны. При подобном продолжении курса без теоретической адаптации к изменяющимся реалиям будет расти «разрыв» в американо-русском диалоге. Москва будет вынуждена пойти на контрмеры ассиметричного характера. Это может осложнить процесс выстраивания конструктивных двухсторонних отношений в духе сотрудничества, что в свою очередь сделает невозможным достижения серьезных договоренностей.

И, как указывалось ранее, процесс формирования политики безопасности на сугубо военной основе не всегда приводит к желаемому результату. Наоборот, зачастую подобный курс приводит к росту противоречий, перерастающих в конфликтные ситуации.

Список литературы

1. **Балуев Д.** Политика в войне постиндустриальной эпохи [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3. URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/002.htm> (дата обращения: 03.08.2012).
2. **Бжезинский Ж.** Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2005. 288 с.
3. **Богатуров А. Д.** Проблематика мировой политики в зарубежных работах // Современная мировая политика / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. 588 с.
4. **Есин В. И.** Проблема ППО в глобальной политике [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 2 (20). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty/003.htm> (дата обращения: 08.08.2012).
5. **Зевелёв И. А., Тронцкий М. А.** Сила и влияние в американо-русских отношениях: семиотический анализ: очерки текущей политики. М.: НОФМО, 2006. Вып. 2. 72 с.
6. **Иванов О. И.** Военная сила в глобальной стратегии США. М.: Восток-Запад, 2009. 198 с.
7. **Кокوشин А. А.** О стратегическом планировании в политике. М.: Едиториал УРСС, 2007. 224 с.
8. **Коньшев В. Н.** Перспективы развития вооруженных сил США в свете концепции ассиметричных угроз // Проблемы безопасности военно-силовой политики в международных отношениях / под ред. С. М. Виноградовой, В. Н. Коньшева, Н. С. Ниязова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 37-54.
9. **Мейгз М.** Эпоха стратегической ассиметричности // Независимая газета. 2002. 18 октября. С. 6-9.
10. **Фененко А. В.** Современные военно-политические концепции США // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 1. С. 66-83.
11. **Barnet T.** The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. N. Y.: G. P. Putnam's, 2004. 427 p.
12. **Behavior, Society and Nuclear War.** N. Y.: Oxford University Press, 1989. Vol. 1. 416 p.
13. **Beyrle J. R.** The Long Good-Bye: the Withdrawal of Russian Military Forces from Baltic States. Georgetown University, 1996. 16 p.
14. **Cohen W.** Report of the Quadrennial Congressional Defense Review. Washington, D. C.: Department of Defense, 1997. 112 p.
15. **Fukuyama F.** The End of History and the Last Man. N. Y.: Simon and Schuster, 1992. 418 p.
16. **Gray C.** Thinking Asymmetrically in Times of Terror // Parameters. 2002. Spring. P. 5-14.
17. **Herz J.** Idealist Internationalism and the Security Dilemma [Электронный ресурс] // World Politics. 1950. Vol. 2. № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/2009187?origin=JSTOR-pdf> (дата обращения: 08.08.2012).
18. **Howlett D.** Strategic Culture: Reviewing Recent Literature [Электронный ресурс] // Strategic Insights. 2005. Vol. IV. Issue 10. URL: <http://www.nps.edu/Academics/centers/ccp/publications/OnlineJournal/2005/Oct/howlettOct05.html> (дата обращения: 03.08.2012).
19. **Huntington S.** The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon & Schuster, 1997. 368 p.
20. **Kaplan R.** The End of the Earth. N. Y.: Random House, 1996. 476 p.
21. **Osgood R.** Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 503 p.
22. **Talbott S.** The Russia Hand: a Memoir of Presidential Diplomacy. N. Y.: Random House, 1996. 496 p.
23. **Treverton G.** Emerging Threats of National Security: Testimony Presented to the House of Representatives Permanent Select Committee on Intelligence. 2005. February, 2. Santa Monica: RAND, 2005. 11 p.
24. **Yarger R. H., Barber G. F.** The U. S. Army War College Methodology for Determining Interests and Levels of Intensity. Carlisle, PA: U. S. Army War College, 1997.

REFLECTION OF AMERICAN THEORETICAL APPROACHES TO SECURITY IN AMERICAN-RUSSIAN DIALOGUE

Oleg Andreevich Sugak

*Department of Modern, Contemporary History and International Relations
Kuban' State University
o-sugak@mail.ru*

The author considers the conceptual notions and bases of American theoretical approaches to security, analyzes the U.S. attitude toward Russia in connection with the changes in the theoretical base of the U.S. global strategy, discusses modern views on a number of conceptions that constitute the theoretical foundation for the U.S. forming strategies, and reveals the actual challenges, which will dictate the necessity for the development of new approaches and directions in the context of the American-Russian dialogue.

Key words and phrases: American-Russian relations; security; national interests; asymmetry; idiosyncratic character; security dilemma; balance of threats.